

Наталья Загребина

12+

Граммы для жизни

Наталья Загребина
Граммы для жизни

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Загребина Н. В.

Граммы для жизни / Н. В. Загребина — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Пленница загадочного острова больше всего на свете желает покинуть это мрачное место. Но граммы любви, необходимые ей для жизни, она найдет именно здесь.

Содержание

1. НОВЫЙ ПРИКАЗ	5
2. НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ	11
3. ПОЛЬЗА ГНЕВА	15
4. НАХОДКА	18
5. ПРОБУЖДЕНИЕ	20
6. ТАКАЯ ГОРЬКАЯ И НЕОЖИДАННАЯ ПРАВДА	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

1. НОВЫЙ ПРИКАЗ

К рассвету в доме стало холодно и влажно – железная печь быстро остывала, как только переставали подкладывать дрова. Лежавший на кровати кот поеживался от холода во сне, и, в конце концов, залез под одеяло. Теперь из-под пестрого от заплаток края торчало два носа – розовый кошачий и белый девчоночий. Оба носа мерно сопели.

Неожиданно дверь приоткрылась и через порог полилась вода. Она заливала дощатый пол и скоро поднялась до веревки, свисающей с потолка. Веревка зашевелилась и висящие на ней колокольчики тихонько зазвенели.

Тут же одеяло распахнулось, с кровати соскочила молодая девушка. Ее пушистые рыжие волосы были всклокочены, а худое лицо и очень тонкие руки, еле видные из-за большого количества одежды, подчеркивали ее замученный вид.

Кот недовольно посмотрел на нее. Он только что согрелся и хотел снова в тепло, поэтому поскорее прижался к девушке и громко замурлыкал, как бы зовя ее под одеяло. Но девушка посидела на кровати, прислушиваясь, и вскочила с кровати.

– Афоня, они прилетели!

И выбежала из дома, кутаясь в одеяло как в плащ. Недовольно мяукая, Афоня побежал за ней.

На берегу небольшого острова стояли журавли.

Девушка восторженно смотрела на них. Они были так прекрасны – грациозно выкидывая длинные ноги, птицы медленно ходили по берегу. Но вдруг что-то их вспугнуло – и они резко как один взлетели.

Обернувшись, девушка увидела, что на берегу стоял рыжий кот. Она грустно посмотрела на него.

– Ах, Афоня, если бы ты знал, как мне необходимо, чтобы они тут жили!

Афоня укоризненно посмотрел на нее. Он уже давно не ел досыта и поэтому все охотничьи инстинкты в нем обострились. Он объяснил бы это, но не умел говорить.

Остров, освободившись от груза, медленно поднялся над водой. И скоро даже короткие рыжие лапы кота стали видны.

Афоня деловито отряхнулся и пошел в дом.

А Люся, так звали девушку, осталась смотреть вдаль, на солнце, медленно поднимающееся над водой. Озябшей девушке казалось, что с его первыми лучами ей немного стало теплее. Она еще постояла, кутаясь сильнее в одеяло, но ее босые ноги стояли на влажной земле и совсем окоченели.

– Ну когда ты уже раскочегаришься? – шепотом спросила Люся у солнца. Но оно словно зависло над водой и не спешило подниматься. Люся грустно вздохнула и пошла в дом, залезла под одеяло и забылась неглубоким сном.

Сквозь сон Люся чувствовала, как холод проникает под тонкое одеяло. И как ее руки холодеют под ним. Наверное, Афоня вошел в дом и оставил дверь открытой. Люся натянула одеяло на самый нос и пыталась нагреть дыханием воздух под одеялом.

Сон уже прошел, но и вылезать из-под одеяла, где все-таки скопилось немного тепла, тоже не хотелось.

Люся стала рассматривать свой дом – тонкие дощатые стены, увешанные ее рисунками, стол, лавка, небольшой шкаф из тонкой фанеры и маленькая круглая железная печка. Немного посуды – кастрюля, кружка, чашка, ложка, нож. Все только самое необходимое. Как и положено в тюрьме.

– Да, – сказала себе Люся. – Это не дом. Это моя тюрьма. Но когда-нибудь я выберусь отсюда, и у меня будет настоящий дом – уютный, теплый, просторный, настоящий. В нем будет жить кот. И еще – семья.

Люся смущенно покраснела, хотя ее никто не видел. И запретила себе думать об этом. На кровать запрыгнул Афоня, укоризненно посмотрел на нее, а потом лег ей на грудь, замурлыкал.

Люсе стало тяжелее дышать, но зато она очень быстро согрелась.

– Рыжая грелка, – шепнула Люся Афоне. И он мурмуркнул в ответ довольно.

Люся подумала, что ей катастрофически не хватает тепла. Все вокруг было таким холодным – люди, широкая быстрая река, окружающая ее остров, огромные камни на берегу. А тепла было очень мало – кот Афоня, мурлыкающий в ответ на ее ласку, печка, которая быстро остывала и требовала много дров, горячий чай, чуть теплое солнце, редкая ласковая улыбка немногочисленных ее друзей. Этого было мало, очень мало, все собравшееся тепло не перевешивало глыбу холода, лежавшую у нее на сердце.

Люсе казалось, что она промерзла насквозь, изнутри и снаружи. И для того, чтобы ей отогреться, необходимо все собравшееся тепло умножить на сто.

Особенно холодно было внутри. Одиночество, отсутствие ласки и грубое обращение словно проморозили Люсю изнутри.

Только краски согревали немного. Она рисовала любимых людей, кота, что-то из прошлой жизни и развешивала рисунки на стены. Когда Люся смотрела на них, ей казалось, что тех, кто ее любит, больше.

Люся достала бумагу из щели под матницей и стала растоплять печку. На бумаге акварелью был нарисован рыжий кот, и теперь он исчезал в пламени. Люся виновато взглянула на Афоню, уютно свернувшегося на кровати. Но выхода не было – тепло важнее. Скоро в круглой железной печке загудело пламя. От горячей печи пол в доме стал быстро высыхать. В котелке пыхала паром гречка.

Люся и Афоня поели гречки и довольно разомлели от тепла и сытости. Люся пила чай и гладила Афоню, который уютно примостился на ее коленях.

– Глупо было надеяться, что журавли останутся жить у нас. Ничего, Афоня, придумаем что-нибудь другое.

Она на какой-то миг забыла свое отчаяние – вечные болезни, постоянный голод и одиночество. Теперь, когда девушка наконец согрелась, счастье казалось ей таким возможным. Но это было мимолетное ощущение – вода снова хлынула через порог. Люся не стала выбегать из дома, она уже точно знала, кто это. Лицо еще пылало от огня, колени и руки грел размякший от тепла Афоня, а внутри уже было холодно, очень холодно. Люся пыталась внутренне собраться, как будто готовилась из теплой комнаты выйти на лютый мороз, завертеться в крутой вьюге, пронизывающей холодом.

Дверь без стука открылась, и на порог шагнула полная молодая женщина тридцати пяти лет. Коротко стриженные волосы кудрявой шапочкой обрамляли ярко накрашенное лицо. Розовая кофта и лиловые брюки туго обтягивали и подчеркивали круглый животик и толстые ноги. Но уютность фигуры перечеркивало выражение ее лица, которое как бы говорило: «Да вы кто вообще? Вы – никто! А я тут начальство. Я – главная! Самая главная!»

Доля правды в молчаливом заявлении ее лица была – она была здесь начальником, а точнее Главой Комиссии по проверке соблюдения условий содержания осужденной на острове. Звали ее Маргарита Николаевна. Она же гордо именовала себя Колдунья.

– Здравсьте! – громко сказала она. И Люсю затошнило от отвращения.

Следом протиснулась в дверной проем ее помощница Филадельфия Назаровна. Абсолютная противоположность Маргариты.

Всем своим видом эта немолодая женщина говорила: «Меня здесь нет! Я случайно тут оказалась. Я не хочу участвовать во всем этом, но меня заставили. А на самом деле я очень

сочувствую вам, Люся!» Серая бесформенная юбка до середины икры, серо-синего цвета кофта, простая прическа – казалось, Филадельфия Назаровна хотела слиться с окружающей средой. Но больше всего Люсю раздражало виновато-сочувствующее выражение лица старушки.

«Зачем мне твое сочувствие? Ты ни разу не заступилась за меня перед этой ведьмой. Ты еще противней. Марго я хотя бы могу ненавидеть от всей души. А тебя даже презирать не получается», – сердито думала Люся.

Но вот над головами женщин показалось серое худое лицо. И Люсе захотелось заплакать и убежать. Это был ведьмак – страж. Он должен был следить, чтобы заключенная (Люся) не напала и не причинила бы вреда остальным членам Комиссии (то есть Маргарите и Филадельфии Назаровне).

Да уж, следил он хорошо. Он не спускал глаз с Люси, не отводил ни на секунду. Он так жадно ловил ее взгляд, любое ее движение, что Люсе хотелось замереть, слиться с окружающей действительностью, раствориться в воздухе только для того, чтобы избавиться от этого неотступного внимания. Ведьмак давно был влюблен в Люсю. И от того, что это было любимым поводом для гадких шуток Маргариты Николаевны, Люся ненавидела их еще больше. Всех. И Филадельфию Назаровну в том числе, как безмолвного свидетеля всех унижений.

Маргарита Николаевна прошла по комнате, остановилась возле рисунков, приколотых к стене, и важно повернулась к ведьмаку и Филадельфии Назаровне, которые словно застыли у открытой двери.

– Ну что, Федор Михайлович, зачитывай, – как бы скучая, произнесла Маргарита Николаевна.

Федя достал из папки листочки и стал зачитывать:

– Именем Его Величества Главного Волшебника! Приказом номер сто девяносто один от тринадцатого июня одна тысяча девятьсот девяностого года за совершенное грубое правонарушение на гражданку Людмилу Виноградову было наложено заклятье.

Люся давно заучила наизусть все, что он читал. Она думала – вот бы встать, пройти мимо удивленной Филадельфии Назаровны, Феде, Марго. Сесть в их лодку. И уплыть. Навсегда. А их оставить жить здесь... Ох, Афоню взять с собой забыла! Люся вздрогнула и поискала глазами кота, как будто и вправду скользила уже по водной глади, одна, в пустой лодке, равномерно работая веслами, удалялась от ненавистного берега.

Федя продолжал. Маргарита всегда заставляла зачитывать приказ полностью, хотя все присутствующие уже знали его наизусть.

– Содержание заклятья смотри в пункте один данного закона. Пункт один. Гражданка Виноградова Людмила обязана прожить на этом острове тридцать лет.

Пункт два. Гражданке Людмиле Виноградовой запрещено покидать остров под угрозой смерти.

Пункт три. Досрочное освобождение гражданки Виноградовой возможно в случае выполнения условия, изложенного в пункте четыре.

Пункт четыре. Заклятье гражданки Виноградовой может быть снято в том случае, если масса живых организмов на острове будет равна разрешенной массе неживых предметов на острове, то есть двести двадцать одному килограмму.

Пункт пять. Под живыми существами подразумеваются люди, млекопитающие и птицы. Под неживым подразумеваются постройки, мебель, одежда, утварь и так далее. По показаниям прошлой проверки масса живых существ составляет пятьдесят килограммов. А масса неживых предметов составляет триста девяносто два килограмма. Таким образом, вам необходимо набрать еще сто семьдесят один килограмм и столько же выбросить неживого. И таким образом прожить всего лишь месяц. Сто семьдесят один килограмм – это три человека по пятьдесят килограммов плюс три кота по семь килограммов, – добавил Федя, оторвав взгляд от бумаги.

Он оценивающе посмотрел на кота, как будто на самом деле собирался заселить остров кошками.

«Или один человек по сто пятьдесят килограммов», – подумала ехидно Люся, глядя на Маргариту Николаевну. «Или пятнадцать по десять килограммов», – добавила она, оглядывая худеньких Филадельфию Назаровну и Федора Михайловича.

Маргарита Николаевна вздрогнула, будто прочитав мысли Люси, и скомандовала:

– Федор Михайлович, вы все зачитывайте. Там еще пунктик есть.

Ведьмак опустил глаза и, глядя на него, сердце Люси отчаянно заколотилось в предчувствии беды.

– Те живые существа, которые проживут с Люсей... с гражданкой Виноградовой месяц, должны будут остаться на острове еще на тридцать лет после снятия с нее обязательств проживания на острове.

Тут уж Маргарита Николаевна не выдержала и злорадно вставила:

– Вот! Так что ваш зоопарк тут не подходит! Можете прекращать его!

Люся как будто провалилась в черную дыру, так ей стало неуютно и пусто. «Наверное, когда умираешь, именно так себя чувствуешь», – подумала она, а вслух хрипло спросила:

– Но ведь этого пункта не было?

– А вот появился, – не скрывая радости, сообщила Колдунья. – А то некоторые тут хитрости всяческие придумывают против закона.

– Получается, что только за чей-то счет, принеся в жертву... – произнесла Люся, глядя перед собой.

– Что? Что ты такое говоришь? – взвизгнула Маргарита, которая всегда побаивалась Люсю.

Люся спокойно и требовательно посмотрела на нее:

– Только за чужой счет я могу быть счастлива. Чтобы освободиться, мне нужно принести кого-то в жертву.

Она оглядела всех присутствующих, задержалась взглядом на колдунье, отчего та занервничала и резко выкрикнула:

– Да! Да! Только за чужой счет! По-другому невозможно. Такова жизнь!

Люся отвернулась от разъяренной Маргариты Николаевны, посмотрела на Филадельфию Назаровну – она отвела глаза чуть не плача, на Федора Михайловича – он смотрел прямо и чуть заметно помотал головой, хотел ее поддержать, сказать, что это неправда, что возможно по-другому. Люсе вдруг захотелось поверить ему, и она задержалась на нем взглядом, невольно умоляя о поддержке. А он понял по-своему и радостно улыбнулся. Люся резко отвернулась – не хотела обнадеживать – и закрылась, сжавшись в тугой комок боли и обиды. Теперь осталось только потерпеть до их ухода, а потом можно и поплакать, уткнувшись в теплый Афонькин бок.

– Ну, что замерли? – грубо обратилась Маргарита Николаевна к своим сослуживцам. – Приступайте к взвешиванию.

Она гостеприимно раскрыла шкаф и пригласила жестом смущенного Ведьмака к полке, где лежало скудное Люсино тряпьишко. Люся и Федя покраснели дружно, Филадельфия Назаровна отвернулась, а Марго довольно ухмыльнулась.

Взвешивание длилось долго, как всегда, и Люся задремала, прижав к себе Афоню. Сквозь сон она слышала голос Феде:

– Маргарита Николаевна, мы же можем взвесить все это разом, все вместе, мы же волшебники!

Маргарита Николаевна сердито зашипела в ответ:

– Молодой ты еще, глупый! Тут главное – власть показать, чтобы боялись.

Люся не огорчилась и не рассердилась, услышав это. Теперь ей было все равно – она не могла поверить, что ее надежды рухнули. Навсегда.

Еще недавно она так радовалась, что ее верный друг Маруся согласилась пожить с ней, и они уже вместе планировали, как после освобождения Люся первое время (обязательно!) поживет у Маруси, научиться замешивать тесто, рубить капусту и свеклу для начинки в деревянном корыте маленькой сечкой, растоплять печку – чтобы не дымила и поддумывала пироги. «Откормлю тебя и твоего дармоеда, станете круглые и румяные, как мои караваи», – шутила Маруся, печально поглядывая на тонкие руки Люси и Афоню, жадно поглощающего пироги. Кот ел все, что ему давали, до тех пор, пока не заканчивалась еда. Живот его надувался, как упругий мячик, он еще некоторое время смотрел выжидающе – а вдруг еще будет еда? не дождавшись, уходил и лежал, подставив толстые бока теплому солнцу или ласковым ладоням.

– Бедный Афоня! – вздохнула тихонько Люся. Его привезли сюда малюсеньким котенком, рыжий смешной комочек. Он еще не мог запрыгивать на кровать и жалобно мяукал, чтобы его подняли с холодного пола. Люсю мучила совесть, что она обрекла бедное животное разделить с ней ее заточение, и поэтому она старалась кормить его повкуснее и закрывала глаза на его проделки.

– Ну все, хватит! – громко сказала Колдунья, зевая. – Надоело. Мир гражданки Виноградовой находится в равновесии!

Люся открыла глаза. Еще чуть-чуть – и они уйдут. Осталось потерпеть совсем недолго.

– Пойдемте! – приказала Колдунья и вышла из дома.

– До свидания, – прошептала Филадельфия Назаровна, не глядя на заключенную, и шмыгнула в открытую дверь. Федя тоже пошел к двери, и Люся уже готова была дать волю слезам, но юноша у порога резко развернулся и подошел к девушке.

Люся собрала все душевные силы, чтобы не закричать в истерике, но смотреть на него все-таки не могла – отвернулась к окну и наблюдала за тем, как Филадельфия Назаровна и Колдунья усаживаются в лодке. А Феде пошло на пользу то, что Люся не смотрела на него, – он редко мог выдерживать ее взгляд.

– Людмила... я прошу вас... принять мое предложение.

Люся вздрогнула, и Федор зашепшил разъяснить:

– Я готов прожить месяц с вами, чтобы помочь освободиться.

Люся не выдержала, посмотрела на него. Федор тут же покраснел и замолчал. Люся снова отвернулась.

– Поверьте, что для меня большое счастье – быть с вами рядом, видеть вас каждый день. Хотя бы месяц. Поверьте, я буду тактичен.

Лучше бы он этого не говорил. Люся, уже поверившая в благородство и бескорыстие юноши, поняла, что он имел ввиду под тактичностью, представила месяц жизни с ним, изо дня в день видеть его жадный взгляд и содрогнулась. Немного успокоилась, собралась и ответила, глядя Федору прямо в глаза:

– Спасибо, вы очень добры, но я не нуждаюсь в вашей помощи.

И отвернулась.

У Феде больше не было слов, он так долго репетировал этот момент. На импровизацию уже не хватало сил. Больше ничего не оставалось как уйти.

Люся подождала, когда лодка скроется за горизонтом, и зарыдала – громко, ни в чем не сдерживаясь, позволила своему телу выплеснуть свое горе так, как ему хотелось – лицо скривилось, рот расплылся, глаза зажмурились, руки обхватили голову, все тело сжалось, Люся упала на пол и, немного покачиваясь, кричала и рыдала:

– Не могу больше! Не могу больше! Не могу больше!

Она выкрикивала эти слова, перемежая их какими-то нечеловеческими звуками. Она представила долгие дни на острове, беспощадно холодные, тяжелые простуды, медленное восстановление. И всему этому кричала – не могу!

Через некоторое время Люся устала и потихоньку успокоилась. На место обжигающей боли пришла приятная пустота, а потом и решение. Люся собрала свои рисунки со стены, потом она сняла со шкафа коробку с красками, листы чистой бумаги и пошла на берег.

На реке был ветер и сильные волны.

«Хоть бы они утонули где-нибудь посередине реки», – подумала Люся о членах Комиссии, глядя на злые бушующие волны, и тут же устыдилась своей злости.

В воду заходить было страшно. Волны сбивали ее с ног, но девушка, пошатываясь, шла вперед. Холодная вода поднималась все выше, хватала за колени, била в живот. Люся и не думала, что может быть еще холоднее, чем всегда на острове. Холод как боль пронзал все ее тело.

Очередная волна плеснула ей пеной на руки, и девушка не удержала краски и бумагу, уронила в воду. Машинально бросилась поднимать, но потом передумала, шагнула еще вперед. В эту минуту она старалась ни о чем не думать, ни о чем не жалеть, не злиться – только действие, шаг за шагом.

Еще одна волна толкнула девушку, и она упала, ушла с головой под воду. И уже не смогла встать на ноги, не было никакой опоры нигде, и на поверхность подняться не получалось, хотя она старалась изо всех сил, но руки и ноги уже плохо слушались. «Холодно! Как же холодно!.. Жить! Пожалуйста, жить!» – подумала Люся. Тут ей показалось, что вода стала упругой, и злые волны подобрели, подняли ее и понесли куда-то и мягко опустили на твердую поверхность. Ни о чем не думая, она, повинуясь инстинктам, приподнялась. Голова закружилась, и ее начало рвать водой.

Когда позывы прекратились, Люся попыталась проползти немного в сторону дома, но упала без сил на холодные камни. Вскоре она услышала легкие шаги и почувствовала, как мохнатая мордочка уткнулась холодным носом ей в лицо, а потом и в глаза, и в губы. Афоня тарахтел, как маленький моторчик, и облизывал Люсино лицо шершавым языком. Люся представила, как котик остался бы один на острове, если бы она совершила задуманное. Как бегал бы по берегу и тревожно мяукал, не понимая, куда делась его глупая хозяйка. Одинокий, голодный. И горячие слезы потекли по ее лицу.

– Прости меня, Афоня. Пожалуйста, прости! О тебе я и не подумала...

2. НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ

На следующий день Люся проснулась поздно.

Все было как прежде. Но перевернувшись и почувствовав боль во всем теле, Люся вспомнила, что случилось вчера, и отчаяние охватило ее с прежней силой. Усилием воли девушка прогнала эти мысли из головы и сказала себе:

– Надо жить дальше. Надо придумать, как жить дальше.

Солнце не знало, что у Люси горе, оно ярко светило в маленькое окно, и золотой квадрат его света лежал на старом одеяле, а в этом квадрате лежал Афоня, как в свете рампы. «В роли счастливого кота – Афоня! Посмотрите, как довольна его рыжая мордочка, как спокойно поднимается его рыжий бок! Сколько в нем силы и красоты, жизнелюбия и оптимизма!»

Вот и ответ – как жить. Просто и мудро – одним мгновением. Великая цель – покинуть остров – оказалась недостижимой, растаяла в тумане за рекой, разбилась как волна о холодный камень, как луна на поверхности воды. Как последняя чашка из маминого сервиза от лап Афони. На тысячи кусочков.

И теперь нужно собирать эти кусочки.

Теперь нет великой цели, есть множество маленьких незначительных событий – встать, сварить кашу, покормить кота, поесть самой. Помыть посуду. Постирать. На все эти дела уходит много времени и сил. Но сейчас это даже радовало Люсю – не останется времени, чтобы подумать.

А потом можно рисовать... Тут мысли девушки вернулись к вчерашнему – красок нет... и бумаги нет... Ну ладно. Сделаем первый шаг – поднимемся с постели, а там посмотрим...

Люся неторопливо встала. Привычные каждодневные действия немного заглушили боль от неудач. Ничего не хотелось делать. Но у Люси была для таких случаев одна маленькая хитрость – она не думала, как ей не хочется умываться, готовить, прибираться, она просто делала...

Гречка пыхала на огне, выпуская облачка пара, а когда она впитала в себя воду, набухла, Люся убрала кастрюльку с огня. Одну половину она размазала по плоской тарелке – чтобы быстрее остыло – для Афони. Другую часть положила себе. И только поставила еду под нос коту – как послышался плеск воды и равномерные удары весел о воду.

Кот наострил уши, поднял хвост, как рыжий вымпел, и помчался в открытую дверь.

«Маруся приехала!» – радостно подумала Люся.

Слезы выступили на глаза, но Люся поспешила их смахнуть. Надо показать, что у нее все хорошо, что она держится. Это Люся делала не ради спокойствия своей подруги, а ради себя – когда другие видели, что у нее все хорошо, она сама начинала в это верить. И таким отраженным – лунным, иллюзорным – светом грелась. Но и пожаловаться очень хотелось, и поплакать, и сказать все нехорошие слова в адрес ее мучителей. Но сама Люся не умела этого делать. Даже за спиной, не глядя им в глаза, Люся не могла сказать им все, что она думала о них. А Маруся могла – она и скажет жалостливые слова для Люси, искренние и простые, и поругает всех членов Комиссии, и привезет вкусенького, поэтому Афоня и ускакал быстрее коня на скачках.

Когда Люся пришла на берег, кот уже сидел в лодке, ничуть не опасаясь рогатой белой козочки, и поедал пирог с мясом, всем своим рыжим телом показывая, что он очень счастлив и сейчас ему лучше не мешать.

Ее подруге было за пятьдесят, но ее энергичность позволяла ей выглядеть на десять лет моложе. Крепкая на вид, уверенная в себе, грубоватые черты лица придавали ей приятную суровость. Она крепко держала деревянные весла, покровительственно поглядывая на кота и молоденькую белую козочку.

Маруся очень редко заходила в дом к Люсе – понимала, как сложно просушить дом после затопления, они всегда встречались на берегу.

Люся радостно улыбалась, здороваясь с Марусей, угощаясь пирогами – горячими, воздушными, с такой сочной начинкой, что Люся сама не заметила, как съела шесть штук – с капустой, с грибами, со свежей вишней.

Короткий миг счастья – Люся и Афоня поедают пироги, а Маруся развлекает их разговорами, которые текут непрерывно и неторопливо, как полуденная река, поблескивая радостными событиями и веселыми замечаниями: коза у меня окотилась, четверых принесла, смотри, как дармоеду твоему пироги нравятся, живот как мяч, а все еще лопают, на запас отъедается, с вишней-то сладкие или нет? А то я боялась, что кисловаты будут, яблоки нынче уродились – ветки ломаются, скоро с яблоками буду возить, я нашла пастбище для своих коз хорошее, только туда по воде легче добраться, слушай, как ты думаешь, может, мне еще одну козу прикупить?

– Ты-то как? – резко оборвала Маруся свой рассказ, заметив, что Люся наелась. И девушка, плывшая по реке блаженства и уюта, наткнулась на камни.

Пришлось говорить Люсе – сухо и отрывисто рассказала она о том, что изменились правила, добавился в приказе один пункт, и теперь ей не поможет то, что они с Марусей придумали для ее освобождения.

– Ах, они, окаянные! Сгноить тебя решили на этом острове! Это все злодейка эта, швабра старая, дура завистливая! – Маруся кричала так громко, что кот встал и ушел, он хотел продлить счастливые моменты, а когда кричали – он не любил, даже если не на него.

– И этот вот, Федька, подлец какой! Подлая душонка! А все добреньким притворялся. Жалел будто бы тебя, а сам!..

Люсе нравилось слушать, как Маруся ругает колдунью, сама бы она не смогла так обругать ее, чтобы легче стало на душе, но ведьмака ей стало жалко, он предстал перед ней – такой жалкий и влюбленный – и Люсе показалось, что он сгибается, скукоживается от суровых слов Маруси, становясь все меньше и меньше.

– Федя жалеет меня. Он хороший. Он предложил мне пожить с ним на острове, чтобы я смогла потом уйти, а он остался бы вместо меня. На тридцать долгих лет.

Тут Люся покраснела, вспомнив взгляд ведьмака. Маруся недоверчиво посмотрела на Люсю:

– А ты что?

– Отказалась. Я не хочу с ним жить. И помощь мне его не нужна.

– Да что ж ты дура-то такая! – весь накопившийся Марусин гнев обрушился на Люсю. – Ты что ж думаешь – у тебя тут очередь из женихов выстроится, и все будут просить твоей руки? Хватай его, пока тепленький. Думаешь, он вечно за тобой бегать будет?

Люся не любила, когда на нее кричали, не терпела этого, и она сама не заметила, как стала кричать в ответ:

– Да не нужен мне ваш Федя! Лучше уж я одна поживу. Зато совесть моя будет чиста!

– Ах, совесть чиста? Значит, я тут, бессовестная такая, предлагаю тебе всякий срам. А ты у нас – совестливая и чистая. Вот и сияй своей чистой совестью, а у меня глаза от твоего сияния заболят.

Маруся с такой силой оттолкнулась веслом от берега, что оно захрустело, а козочка чуть не выпала из лодки, за что попало и ей.

А Люсе ничего не оставалось, как потерпеть немного – пока лодка не скроется за горизонтом, а потом поплакать на берегу, прижимая кулек с пирогами, как единственное тепло во всем мире.

Потом, лежа в постели, она вспоминала сердитое лицо Маруси и не могла поверить, что вся эта злость была адресована ей.

«За что она так со мной?» – спрашивала Люся темноту. «Я чем-то обидела ее?»

«Ну и сияй своей чистотой совестью» – снова и снова повторялись в ее голове слова Маруси. Почему она так сказала? Неужели она не понимает, что жизни с Федей на одном острове противиться все ее существо, всё – руки, ноги, глаза – все отторгает, всё кричит, сопротивляется.

Неужели Маруся не понимает, что та песня, которая живет внутри, может умереть от того, что Люся изменится, изменит себе.

Так нельзя! Так нечестно! Так гадко! Так противно! Несправедливо! Эти слова что-то напомнили Люсе...

...Вот она плывет в лодке – с ней люди, суровые, серьезные, они ее презирают или укоряют за то, что она совершила. И они приготовили для нее наказание и сейчас приведут в исполнение приговор. А Люся не чувствует свою вину, внутри нее – также как сердце – бьются эти слова: так нечестно! несправедливо! так нельзя! Но вслух она ничего не произносит, потому что она знала это раньше, это еще тогда, когда брала деньги, этот же голос кричал: «Нечестно! Несправедливо! Мама не должна умереть!»

Конечно, она не ожидала, что наказание будет таким суровым. Она надеялась, что ее спасут, и никак не предполагала, что останется совсем одна.

Когда Люсю впервые привезли на остров, ей объяснили, что она не сможет уйти с острова, он не отпустит свою пленницу. И действительно, когда она в первый раз пыталась сбежать – это было со знакомым рыбаком – они чуть не утонули: поднялись волны, лодку качало так, что весла и все содержимое вывалилось за борт. Только когда Люся выпрыгнула из лодки и поплыла к берегу, волны успокоились. С тех пор ей казалось, что этот остров – злой пес, который никуда не отпустит, а если она попытается сбежать, загрызет ее.

Как же страшно было ей одной на этом острове в первые дни заточения! Вечерами на берегу ей казалось, что она слышит тихое дыхание, ощущая чье-то присутствие. И хоть Люся чувствовала, что ей никто не причинит зла, она бежала в дом и пряталась под одеяло, пытаясь отвлечься, напевая себе самосочиненные песенки. Но получалось очень плохо.

Потом она познакомилась с Марусей. И ее заточение стало намного легче. Она ждала Марусю в гости, и от этого ее остров стал для нее почти домом.

Однажды Маруся привезла в старой корзинке рыжий пушистый комочек – Афоню. Люсе было немного стыдно обречь животное на одиночество, но он доставлял ей такую радость, что не было сил отпустить его.

Тогда Люсе пришлось выбросить кое-что из вещей, но она не жалела, потому что лишившись того, без чего как выяснилось, можно легко обходиться, она обрела радость. Афоня был для нее другом, грелкой, ее воспитанником, постоянным сюжетом ее картин.

С этого времени Люся стала чувствовать себя как на чаше весов. Она все время подсчитывала килограммы, думала, как бы сделать так, чтобы получить равновесие. Весов у нее не было, поэтому она с нетерпением ждала приезда Комиссии.

Потом поменялись члены Комиссии. Те, другие, жалели ее, привозили подарки, хорошо относились, подбадривали, взвешивали все с помощью волшебства, – это было быстро (дом находился меньше времени под водой и не так пропитывался влагой) и не так унижительно.

А эта троица была как на подбор – Люся даже не могла сказать, что ее расстраивало и угнетало больше всего – высокомерие и злоба Колдуньи, беспомощная и тихая жалость Филаськи Назаровны или липкие взгляды Ведьмака. Но именно в это время Люся заметила странную особенность острова – после их ухода, когда девушка злилась или обижалась на них, остров как бы отвечал на ее злобу, погода портилась, волны сердито набрасывались на прибрежные камни и яростно откатывались назад, терзая редкую траву и цветы. Люсе становилось неуютно и стыдно, она искала себе занятия, чтобы отвлечься, – раскрашивала дом, прибиралась, стирала, выкладывала камни на берегу пруда в узоры, вычесывала кота – и успокаивалась.

И остров отвечал ей – она чувствовала. Но никому не рассказывала. Боялась, что ее примут за сумасшедшую и будут жалеть. А Люся не любила, когда ее жалели.

Люсе часто вспоминала то время, когда она была любима. Конечно, это было с мамой и папой. Просто о маме она запрещала себе думать – и получалось так, что хорошие воспоминания были упрятаны вместе с плохими, даже завалены ими, закрыты наглухо и спрятаны. Воспоминания о прекрасном времени, когда Люся безоговорочно и глубоко была счастлива, приводили с собой память о тех днях, когда все это было утеряно.

А Маруся напоминала ей это время, причем без всяких плохих впечатлений. Люся чувствовала ее любовь – пусть неуклюжую, властную – но любовь, симпатию, тепло. Потерять ее было также страшно, как и ту, родительскую. Ее нельзя было заменить жадным обожанием Ведьмака. Но с помощью Феде можно было выбраться с этого острова и отправиться на поиски настоящей, которую Люся еще помнила и держала внутри, как эталон.

Повторяя все это в памяти, девушка снова вспомнила Марусины слова, и ей показалось, что они произнесены также, как она когда-то кричала: «Несправедливо! Нечестно!»

«Маруся хочет мне помочь и сердиться от своего бессилия. Она хочет мне добра, так она видит его для меня. Ну и что такого, что Федя поживет здесь? Ничего не случится. Он сам предложил и ничего не попросил взамен. И она ему ничего не обещала...»

Уснуть не получалось.

Люся встала с кровати. В окно светила луна.

Девушка оделась и пошла на берег. Сильный ветер поднял волны, и они бились о камни как большие дикие звери. Лохматые облака неслись по ночному небу, и когда они закрывали луну, то все вокруг погружалось во мрак.

Ветер толкал девушку прочь с берега, хватал за волосы, а то вдруг стихал, как бы замирал. Пошатываясь под его порывами, Люся подумала, что она всегда жила, повинувшись своим внутренним порывам, своим чувствам. Чувству приязни или неприязни, справедливости или гнева. Этот порыв привел ее и сюда, на этот остров... Люся вспомнила, с каким чувством она подошла к деньгам, которые так доступно лежали в корзине – «Спаси! Я еще успею ее спасти!» Вспомнила, какие тяжелые и приятные на ощупь были монеты. И лишь на секунду пронеслась мысль – а что будет дальше? И все. За этот поступок она расплачивается теперь. А той, ради кого она все это делала, уже нет в живых...

Люся запретила себе думать дальше и вернулась к началу мыслей – да, она всегда жила повинувшись чувствам, тому, что она называла своей совестью. И только перед ней оправдывалась. Но была ли она права?

«Сияй своей чистой совестью!» – вспомнила Люся обидные слова. Может быть, она и вправду прислушивается к своей совести, чтобы сиять, чтобы выглядеть честной, красивой, а не быть такой. Не для того, чтобы делать близких счастливыми, а для того, чтобы заглушить голос совести. Но была бы ее мама счастлива, узнав, что сделала дочь ради ее спасения. Ни к чему хорошему голос ее совести не приводит – так зачем же следовать его советам? Пришло время прислушаться к голосу разума, расчета.

Люся пошла в дом. Ровный огонек свечи немного успокоил девушку. Она достала из щели в стене листок бумаги, перевернула чистой стороной и написала огрызком карандаша: «Дорогой Федя». Подумав, зачеркнула «Дорогой», но поняла, что все равно слово будет видно, стала отрывать верхнюю часть листа с неудавшейся надписью. Оторвать ровно не получилось, и без того мятый лист стал выглядеть еще более жалким.

Но Люся решительно разгладила его и уже уверенно написала: «Федор! Я согласна принять Ваше предложение...».

Задула свечу и легла спать. Слушая завывания ветра и грохот волн, Люся вдруг почувствовала, как хорошо у нее в домике – уютно и тепло, и, успокоенная, уснула.

3. ПОЛЬЗА ГНЕВА

На реке не было волн, можно было убрать весла и отпустить лодку по течению.

Старик так и сделал.

Он сидел на скамейке, положив сухощавые руки на колени, и смотрел вдаль. Мимо не спеша проплывали пожелтевшие камыши, густые заросли ивовых кустов, замшелые камни. Это медленное движение окружающего мира успокаивало, обнадеживало, что его суетные мысли тоже успокоятся, войдут в плавный ритм.

Но резкий удар нарушил умиротворение старика. Это было очень неожиданно – на этом участке не было подводных камней.

Он обернулся – в правый борт уткнулась носом старая лодка. В ней сидела женщина – торговка, он изредка встречал ее. Сейчас она яростно сжимала весла и была вовсе не напугана столкновением, а очень рассержена – лицо ее было красное, перекошеное, волосы выбились из-под платка.

Старик даже подумал, что это он виноват в случившемся. Но как оказалось – нет, не он. Это выкрикнула ему женщина, даже не подумав извиниться.

– Ты чего тут плаваешь? – кричала она. – Проплыть спокойно не даешь! Ты не видишь, что я тут плыву, тороплюсь. Или ты думаешь, что если ты охранник, то тебе все можно? Да и какой ты охранник? Ты самый настоящий мучитель! Изверг! Девчонку голодом моришь! Гнилье ей всякое привозишь! Бессовестный!

Такой резкий переход с темы столкновения еще больше обескуражил мужчину. И пока он пытался что-то ответить, женщина, яростно орудуя веслами, уплыла прочь.

В тишине были четко слышны удары весел о воду и гневные выкрики торговки.

Старик пытался осознать, что произошло – женщина, видимо, не заметила его, или не справилась с управлением. Понятно, что испугалась, поэтому не стала извиняться, а наоборот, накричала. Но вот причем тут пленница?

Мужчина давно привозил ей на остров продукты, это входило в его обязанности. Он почти не разговаривал с девушкой – отдавал ей кулечки с продуктами, заставлял расписываться в ведомости и отплывал. Конечно, он наблюдал за ней, за островом, за домом. Ведь это было его обязанностью, а потом стало привычкой. Он честно исполнял инструкцию, и даже не задумывался, что делает что-то не так.

Старик открыл мешок с провиантом – гречка, хлеб, сушеная рыба. Старик внимательно пригляделся к содержимому – хлеб был черствый, рыба была жесткая, как кора дерева, но плесени не было, ведь он возил продукты один раз в месяц, и они бы испортились, не будь они в таком виде.

Гречка была с мусором – в черных точках, с шелухой. Но старик другую и не видел, он и домой такую брал – она была дешевле. Федя ее тщательно перебирал и готовил вкусную кашу.

Так что же имела ввиду эта женщина? Может быть, ему надо подарить что-то от себя? Кажется, когда-то Федя сушил рыбу...

Через несколько часов старичок протягивал удивленной Люсе два свертка – один традиционный, с продуктами питания, а второй – торжественно, немного придержав в руках.

Он сам сегодня залез на чердак, снял с веревки сушеных карасиков и завернул в первую попавшуюся бумагу – белую, нарядную, как раз для подарка. Он и не заметил, что из тонкой пачки выпал небольшой листик с надписью: «Дорогой Паша! Это бумага исполняет желания, и я очень надеюсь, что она тебе пригодится».

Подумав, он добавил баночки с чем-то похожим на варенье.

«Это к чаю», – довольно подумал он, сиюсь прочитав надпись на одной из банок «Кадмий лимонный».

Люся такого странного и такого чудесного подарка еще никогда не получала – в плотные превосходные листы была завернута рыба, настолько сухая, что даже не оставила никаких следов на бумаге, и – о, счастье! – краски в круглых баночках.

И Люся подумала – теперь она выживет, самый главный голод она утолит...

Маруся не умела долго сердиться. Она была вспыльчива, знала это про себя, но с годами так и не научилась управлять своим гневом.

Когда она была чем-то возмущена, снова набухали в ней, как крупа в кастрюле, постепенно поднимались и выплескивались жгучими брызгами, не щадя никого, а потом быстро остывали.

Освободившись от этих злых слов, Маруся успокаивалась и уже могла разговаривать спокойно.

Но окружающие не скоро забывали ее слова, особенно если они попадали на больное место. И Маруся сама не заметила, как осталась одна. Друзья у нее были, но немного. Те, кто сумел за вспыльчивым характером разглядеть отзывчивого и деятельного человека, оставались рядом какое-то время. Но постепенно разъехались. Марусе было очень одиноко, и она начала печь пироги. Выпечка ей всегда удавалась, и постепенно она стала торговать ею. Покупателей становилось все больше, а некоторые переходили в разряд друзей. Вскоре Маруся прикупила козочку, и в поисках корма для нее плавала по реке, а заодно и приторговывала в стоящих на берегу деревнях. Однажды она проплывала мимо острова, который старалась избегать, про него ходила дурная слава, а Маруся была очень суеверна – и увидела на берегу худенькую девчонку. Маруся подплыла поближе, сердце ее дрогнуло от жалости, она подумала неожиданно для себя: «Как дочка мне будет». Так они с Люсей подружились.

Давно уже она не встречала в людях такой радости от встречи с ней, Марусей. Лицо девочки светилось и открывалось как цветок – она рассказывала о своих днях, о том, как ведет хозяйство, немного о прошлой жизни. Она была немного странной, непрактичной. Маруся не любила таких, которые идут по жизни, разевая рот, притворяясь, что им ничего не надо, этикие бессребреники, а на самом деле – просто неумехи и растяпы.

Эта девчонка тоже была такой. Но она ничего из себя не строила и редко жаловалась на жизнь (нытиков Маруся тоже не любила), хотя ей-то было на что пожаловаться. Совсем маленькой девчонкой привезли ее на этот остров. На тридцать лет. И за что? За то, что взяла деньги из корзины с золотом. Такие корзины стояли всюду, где народ толпился, на рынках или в торговых центрах.

Тут тебе товар или развлечения, и тут же – деньги. Протяни руку – и вот ты уже способен все, что приглянулось, купить. Хочешь – вина, хочешь – нарядов, всего, что пожелает душенька твоя. Живи здесь и сейчас. А расплачиваться потом – долгие годы, огромные проценты.

Маруся сама хотела взять деньги на козочку. А потом посчитала, что лучше потуже поясок затянет, но купит на свои.

А Люся взяла не на развлечение – у нее заболела мать. Девчонка испугалась за нее, да и схватила деньги. Мать не спасли, отец с ума сошел с горя, а сиротке пришлось расхлебывать. И не пожалели, что еще маленькая. Да еще эта Маргарита взъелась на нее и ужесточает условия.

Прежние члены Комиссии хотели написать Главному Волшебнику о милости. Да не успели – уволили их.

А эта совсем решила девчонку сгноить на острове. Завидует, швабра такая. Хоть Люся и не верила ей («Чему завидовать? Я неудачница, вечно больная и худая»), но Маруся-то знала – завидует.

Она сама раньше завидовала таким – неземным женщинам, которые, казалось, были сотканы из воздуха. Без плоти, без земных оков – вот-вот улетят, растворятся в воздухе, поэтому их надо удерживать, защитить, уберечь, обращаться бережно, как с цветком. А таких,

как Маруся или Маргарита, никто не пытался удерживать – они и так всегда были рядом, твердо держались на земной поверхности и могли за себя постоять. Маруся завидовала таким, поэтому она понимала Марго, но это не мешало ругать ее и злиться. Да и Маруся сама хороша. Девчонке и так плохо, а она еще обругала ее. Глупенькая, выгоды своей не видит, и мужчин боится, не доверяет.

А Федя хороший, Маруся знала, приезжала к ним торговать. Хоть и словно прибитый немного, а хозяйственный, и работы не боится – по дому все сам делает, родители оставили его на деда, а дед малахольный немного. Вот парень и взял на себя заботы. И в стражники не от хорошей жизни пошел. Жаль, конечно, губить его на острове, но ведь он добровольно, не обманом. И Маруся его не бросит, как к Людмиле ездила, так и к нему будет.

Может, и Люся иногда приедет, поблагодарит... Да... Нет у девки ума. От такой возможности отказалась...

А она, Маруся, для чего?

Надо съездить и уговорить ее. Убедить. Только перед поездкой постряпать пироги. С вкусной едой люди стоворчивее становятся... Маруся это хорошо усвоила.

И вот так рассуждая сама с собой, Маруся принялась за дело: замесила тесто в специальной кадучке, нарубила сечкой в маленьком деревянном корыте капусту, разделала рыбу и нарезала на кусочки. Руки совершали привычные движения, а Маруся в это время представляла, как радостно будут уплетать их Люся и ее кот Афоня, этот хитрый рыжий дармоед. Как они все обсудят, Люся поймет, что Марусины советы – самые правильные, и поблагодарит старуху за мудрость и участие.

4. НАХОДКА

Утро было чудесное – тихая, спокойная вода отражала солнце. И все вокруг было просторно, тихо: широко распахнулась река, и небо закрыло все своим голубым, оберегающим куполом. Глядя на это сияние, Люся подумала, что ее ожидает хороший день, в котором произойдет много чудесных событий. И она сделает много полезных дел. Например, соберет дрова. После бури на остров выбрасывало волнами много старых досок, веток, бревен. Принятое вчера решение придавало ей уверенности и спокойствия.

Люся разбирала небольшую часть этого мусора и несколько недель могла протапливать домик так, что исчезала сырость на стенах. Дрова сушила на плоской крыше, вода в такие дни подходила к самому домику. Люся гуляла на крыше.

Позавтракав, Люся отправилась на берег. Дров было много, но Люся отбирала только самые подходящие – очень большие бревна она не могла распилить, поэтому сталкивала их в воду, гнилые и трухлявые тоже летели туда же. Люся шла по берегу и осматривала груды мусора, прибитые волнами к берегу, – ветки, трава, ил – все было перемешано. Если Люся замечала дрова – она вытаскивала их из кучи и выкладывала сушиться на берегу.

Афоня шел с ней рядом – он был любопытный и компанейский кот, не любил одиночество. К тому же часто после бури он находил в лужицах рыбку и ел ее.

В одной из куч Люся обнаружила обломки крепких досок – они были разбиты в щепки, и девушка обрадовалась – их можно легко разломать.

Люся надела старенькие рукавички и принялась разбирать завал.

Доски, расколотые о камни на щепки, легко доставались из кучи ила, веток и травы. Люся складывала их вместе. От физической работы окончательно пропала хандра, ее тело радовалось своей силой, ловкости, молодости. Девушка согрелась и наслаждалась ощущением тепла. Увлеченная работой, доставлявшей ей удовольствие, Люся двигалась все быстрее и быстрее. В азартном порыве и скорости она схватила за конец толстую, почти целую доску и захотела поднять ее вместе с илом и плотным слоем веток. Приподняв ее, Люся чуть было не уронила ее обратно – под ней лежал мужчина. Сердце девушки отчаянно заколотилось, руки задрожали.

Люся отбросила доску в сторону и принялась очищать тело мужчины от грязи. Потрогала руки и шею – они показались ей чуть теплыми. Потом открыла ему рот и очистила от грязи. Повернула на бок, постучала по спине ладонью. Из рта полилась вода. Люся стала стучать по грудной клетке мужчины, нажимать на нее изо всех сил двумя руками. Ничего не происходило. Утопленник не шевелился.

Люся пыталась дышать ему в рот, но получалось неловко. Она снова и снова повторяла эти действия – стучала по груди, дышала в грязный, холодный рот, и опять по кругу. Ничего не происходило. Мужчина лежал – мертвый, холодный. «Значит – умер». А то тепло, которое Люся обнаружила в нем – угасающее, исчезающее, последнее.

Люся заплакала от обиды и отчаяния. Почему-то стало очень горько от того, что она не смогла спасти мужчину. Еще Люся плакала от жалости к себе, такой неудачнице, неумехе и невезучке. И все ее обижают. Даже этот вот – умер. Так нечестно! Люся разозлилась и стала давить двумя руками на его грудь, но уже более резко и сильно, со злостью. И так яростно вдыхала в него воздух, как будто хотела задушить им мужчину, а не спасти.

И когда мужчина вдруг задышал, Люся снова заплакала, но уже от того, что напряженное ожидание закончилось...

Люся сидела перед печкой и ждала, когда нагреется вода. Лицо блестело от пота, спутанные волосы висели мокрыми прядками. На сегодня эта была пятая кастрюля горячей воды. Она потратила за вечер дров больше, чем приготовила за целый день, – надо было вымыть мужчину, потом прибраться и постирать. Люсе хотелось помыться самой – смыть усталость,

напряжение. И еще – хотя она не признавалась себе в этом – ей не хотелось предстать перед этим мужчиной замарашкой.

До этого момента Люся вообще не задумывалась, как она выглядит. Взгляды Феде ей говорили, что в ней что-то есть. И даже завистливые взгляды Марго говорили ей, что она вполне привлекательна. Но по мнению Люси, в ее внешности было всего два достоинства – белая кожа и ярко-рыжие волосы. Сейчас они висели бурыми прядками – как пожухлая трава под водой.

Понравиться мужчине Люсе захотелось в тот момент, когда начал дышать. Как только в нем проснулась жизнь, и он перестал пугать своей неподвижностью, Люсе он показался очень красивым.

И неожиданно для себя, она подумала про него – ты мне должен. И вслед за этой мыслью ей пришло в голову то, как он может ее отблагодарить – он останется на острове вместо нее. Если бы не она, он бы умер, поэтому он будет рад ей помочь. В глубине души Люся понимала, что оставить незнакомца на острове обманом вместо себя – это неблагодарное и даже подлое дело.

Вслух сама с собой и перед Афоней она оправдывалась тем, что спасла ему жизнь и имеет право получить благодарность.

Но голос, появившийся в ней, говорил – мне просто хочется быть с ним рядом, он мне понравился, мне хочется, чтобы он был со мной. Признаться в том, что она обретает человека на тридцатилетние муки одиночества из-за прихоти просто быть с ним рядом месяц – было стыдно даже себе.

Люся постаралась задвинуть эту мысль поближе к болезненным и счастливым воспоминаниям и перешла к плану. Она осматривала комнату и думала, что бы ей еще выбросить. Можно шкаф, давно хотела распилить его на дрова. Еще что-то надо... Она оценивающе посмотрела на Володю.

– Интересно, сколько он весит?

5. ПРОБУЖДЕНИЕ

Володя тяжело и медленно возвращался из своего сна. Повторявшиеся во сне события были так тяжелы, что он очень устал спать. Не было сил открыть глаза, но сквозь веки чувствовал свет – яркими вспышками – от этого было тревожно. И он открыл глаза, чтобы убедиться – он в безопасности, ему ничего не угрожает.

По расписанным непонятными рисунками дощатым стенам плясали отблески огня из открытой печки. У огня сидела страшная женщина – лохматая, краснолицая. Она посмотрела в его сторону блестящими и, как показалось Володе, совершенно безумными глазами и спросила вслух:

– Интересно, сколько он весит?

«Боже, меня съедят!» – подумал Володя. Но сил спастись у него не было. Он закрыл глаза и позволил себе провалиться в сон, надеясь, что все, что он увидел, исчезнет с утренним солнцем...

Когда Володя проснулся во второй раз, было светло, но солнца не было – пасмурно или туман. Володя медленно осмотрел дом – деревянные голые стены, такой же потолок – ничем не прикрытые и не покрашенные доски. Мебели почти нет – небольшой стол у окна, стул и круглая железная печка.

Обстановка очень бедная, скудная, как будто походная. Будто бы человек пришел сюда ненадолго – разложил вещи в нескольких местах – не стараясь заполнить и охватить все пространство, создать свой уютный мирок, а просто пришел ненадолго, разложил вещи грудно, чтобы ничего не забыть, чтобы успеть быстро собрать и поскорее уйти туда, где ждет настоящий дом.

Володя пошевелил руками – они были свободны и здоровы, только немного слабы. Тоже было с ногами. Это обрадовало Володю – скоро он сможет отправиться в путь, бежать, бежать из страны.

Хотя спастись бегством – уже нет смысла. Есть пункт назначения, там его ждут, но нет рядом того, кто подавал бы смысл побегу, кто был бы рядом.

И Володя снова вспомнил эту ужасную бурю – мощные злые волны, руки, стертые до крови веслами – он не чувствовал боли, только удивлялся, как быстро это случилось.

Потом сильный удар волны. Тонкие холодные пальцы, вцепившиеся в его руку... И как она разжала их и скрылась под водой... И последнее, что промелькнуло в голове: «Хорошо, что я умираю. Иначе – зачем и как жить без нее? Как жить с этой утратой?»

Володя криво усмехнулся – не умер, живой! И теперь жить – без нее, с этим чувством вины – безграничным и тяжелым...

Дверь открылась, и Володя вздрогнул – вошедшая девушка так была похожа на его Лию, что он на секунду поверил в ее спасение, тем более что он, Володя, остался в живых, выбрался из этой катастрофы, значит, и она могла. Но девушка, увидев, что Володя проснулся, остановилась в дверях, немного оробев. Потом, справившись со стеснением, она подошла к кровати. И Володя, поняв, что ошибся, помрачнел лицом, как будто потерял еще раз любимого человека, только теперь уже навсегда.

Люся, с юных лет ограниченная в общении, не знала, что сказать, как завязать разговор.

– Добрый день, – робко сказала она. – Я рада, что вы очнулись. Вы поживете у меня, пока не выздоровеете?

Последнюю фразу она хотела сказать иначе – веселее, доброжелательнее, гостеприимнее, как щедрый хозяин, оказывающий милость. А получилось – просительно. Умоляла остаться. Поэтому и ответ получила снисходительный, как показалось Люсе.

– Поживу, куда же я денусь, – сказал Володя и отвернулся к стене, чтобы скрыть слезы – утраты и отчаяния.

– Не очень-то он обрадовался жить со мной, – жаловалась Люся Афоне, греясь на солнце на берегу. В дом идти не хотелось – его как будто занял какой-то разбойник – угрюмый, злой.

Люсе было очень обидно – даже не поблагодарил за то, что она спасла его, хотя он, наверное, еще слабый и до конца в себя не пришел, чтобы благодарить.

– А вдруг он сбежит, точнее уйдет, как только выздоровеет? Ну как... Лодку сделает... или с кем-то из продавцов... Захочет – уплывет.

Афоня спрыгнул с Люсиных колен и подошел к воде, тихой и ровной как зеркало. Он поглядел в воду и кокетливо помахал хвостиком.

– Афоня, ты гений! Надо сделать так, чтобы он влюбился в меня, тогда он не сможет меня покинуть. Хотя это не очень честно... Ну и пусть!

И Люся принялась обдумывать решительные действия...

Люся давно уже разучилась нравиться людям, а, может, и не умела никогда.

В детстве этого не надо было уметь – родители любили ее и такую, какая она есть. А потом в жизни мало встречалось людей, которым Люся хотела нравиться.

И теперь перед девушкой стояла задача – привлечь внимание настолько, чтобы человек захотел остаться с ней. Немного уверенности ей придавала симпатия Феди. Она вспоминала его влюбленный взгляд и убеждала себя, что сможет понравиться Володе. Она стала носить свое лучшее платье (у нее их было всего два) и каждый день делать прическу из своих необузданных волос.

Еще она старалась заботиться о Володе, приносила пить, чаще чем нужно поправляла подушку, спрашивала о самочувствии. И старалась повкуснее его накормить. Но с этим было труднее – Маруся обиделась на нее, а старичок привозил несвежие продукты. Люся считала удачей, когда он выдавал ей консервы и крупы – если изловчиться, из них можно было приготовить что-нибудь съедобное.

И поэтому сегодня с раннего утра Люся собирала первую землянику на пригорке возле дома. Уже несколько дней девушка бегала на пригорок, чтобы узнать – поспели ягоды или нет. И вот наконец-то Люсе пришла пора собрать в кружку удивительно алые, как будто маленькие лампочки, ягоды, и она ни одну не позволила себе съесть. Она была так увлечена работой, что не сразу услышала знакомый скрип уключин. И только когда Афоня, греющийся на солнце неподалеку на сером пушистом мху, соскочил и, громко мяуча, побежал к берегу, Люся обернулась и увидела Марусю, машущую ей рукой. Люся побежала к ней, как будто между ними и не было обид.

Кот опередил ее – запрыгнул в лодку и счастливо поедая поданный ему пирог, начав с главного – с рыбной начинки. Люся тоже приняла угощение.

Маруся, довольная успехом своей стряпни, спросила добродушно:

– Ну что, не сердишься на бабку?

– Нет, – улыбнулась Люся. – Конечно, нет. А у вас есть пироги с мясом?

– Есть. Но ты же не ешь мясо? – удивилась Маруся.

– А я не для себя. Для гостя.

– Федьку что ли в гости позвала?

Люся в ответ загадочно улыбнулась. Маруся побоялась спрашивать – вдруг опять поссорятся – и торопливо сказала:

– Ну и правильно. Он хороший парень. А то, что неказистый на вид – так с лица воду не пить.

– Он самый лучший! – просияла Люся, схватила пироги и убежала.

Маруся погладила кота – он довольно подставил шероховатым ладоням свое круглое пузико.

– Видишь, слушаются еще меня, старуху. Глядишь, все и наладится...

Володя чувствовал, что в нем появляются силы, чтобы уйти с острова. И лежа неподвижно в кровати, притворяясь спящим, он придумывал, как это сделать. Но его отвлекали мысли о трагедии – не хотелось никуда ехать, ничего делать, даже открывать глаза. Жить, одним словом. Но его ждали друзья, волновались, потому что он опаздывал. Все пошло не так, как задумывалось. Он должен был приплыть к ним позавчера, и не один...

Володя вспомнил, как началось это приключение, как Лиля радовалась их предстоящему путешествию – за свою короткую и не очень радостную жизнь она никуда не ездила, ничего не видела кроме пьяницы-отца, всегда усталой и грустной матери и нескончаемой работы. Она так радовалась совершенно простым, для кого-то обыденным вещам – подаренным безделушкам, сладостям, прогулкам по парку, его рассказам. Лилия так благодарно отзывалась на его улыбку, на его внимание, что он чувствовал себя самым значимым и важным человеком.

Совсем по-другому было с его однокурсниками. Они изо всех сил – нарядами, речью, веселыми и громкими шутками – пытались привлечь к себе внимание. Получив его, они не насыщались, не довольствовались одним человеком, а искали еще и еще. И постоянно соревновались друг с другом. Такое поведение сбивало с толку – он чувствовал себе мотыльком в ночи, который летает среди манящих огоньков свечей, не зная, к которому из них лететь, чтобы сгореть в нем, спутав с ласковым теплом солнца, так и не дождавшись его восхода.

А Лилия светила ему, грела, но не обжигала. И когда на вопрос – поедет ли она с ним, девушка ответила «Да», он почувствовал покой и душевное тепло. Хотелось заботиться, оберегать, укрыть от тревог и делать ее жизнь лучше...

В дом тихонько вошла Люся. И Володя снова поразился – как же она похожа на Лилию – такой же вопросительный и осторожный взгляд: проверяет – какое настроение и отношение к ней, надо ли защищаться, или можно открыться и довериться. Но в ней не было Лилиного простодушия, была какая-то хитрость. Неловкая, неуклюжая, но хитрость. Пронюхивает, как лис, обстановку, а когда понимает, что все спокойно, открывается улыбкой. И старается понравиться, подружиться.

Люся действительно старалась. Правда, она уже забыла, как это делается. Она привыкла всегда быть настороже, выражать протест и презрение к мучителям всем своим видом – колючим взглядом, скрещенными на груди руками, прямой, как стрела, спиной. Это было заучено наизусть. И тело не помнило, что надо делать, чтобы вызвать симпатию. И еще мучила мысль, что она коварно обрекает его на ту кошмарную жизнь, от которой сама пытается избавиться.

Пряча волнение, она подошла к кровати и заговорила сиплым от страха голосом.

– Я вам поесть принесла. Тут пироги и земляника. Все очень свежее.

Володя сухо поблагодарил и взял тарелку. Он равнодушно, не чувствуя вкуса, ел ароматную нежную землянику и пироги с рыбой вместе. «Что она так старается? Что ей надо от меня? Просто добрая? Может быть, как Лилия, а может, просто хитрая... Она мне знакома...»

– А где я? – резко спросил Володя.

Люся уже успела унести мыслями далеко – к Марусе в сад, в ее дом, о котором так много слышала, в котором мечтала пожить, – вздрогнула и быстро ответила:

– На острове. Мой дом стоит на острове.

И тут Володя вспомнила, кто она.

Эта девушка была пленница острова. Ее привезли сюда совсем девчонкой, и ей придется жить здесь еще тридцать лет или дольше. Володя точно не помнил.

Он заглушал эти воспоминания, потому что они были неприятны, они были связаны с тем днем, когда впервые Володя испытал чувство вины за то, что не совершал, и беспомощность...

Он был молодым выпускником колледжа, который подготавливал стражников, взыскателей и других служителей правопорядка. В народе их называли колдуньями и ведьмаками, поскольку они служили интересам Главного Волшебника. Сами они толком колдовать не умели, но этого точно никто, кроме них самих, не знал, поэтому их боялись.

Володе, как самому молодому и энергичному, поручили дело, от которого отказывались все – это взыскивать долги с тех, кто не устоял перед соблазном взять деньги из корзины с золотом. Такие корзины стояли в оживленных местах – на рынках, в городских парках, в торговых рядах, возле питейных заведений. Корзины назывались «Просто возьми меня». Люди, потакавая своим мимолетным желаниям, брали доступные монеты, а потом расплачивались долгие годы, так как проценты за пользование деньгами были очень высоки.

У этой девчухи заболела мама, а отец почему-то не вызывал врача, у него была какая-то идея и он экономил на всем, чтобы осуществить ее. В отчаянии девочка побежала к этим корзинам и взяла оттуда денег на лекарство и врача. Но было уже поздно – мама умерла, а отец ее сошел с ума и исчез, ушел, растворился в чувстве вины как в кислоте.

Девочка собрала в мешочек какие-то вещи, фотографии, встала перед Володей, ожидая его указаний. По уставу он должен был приковать ее наручниками к себе, но он как-то машинально протянул ей руку, и она вложила свою маленькую ладошку в его ладонь. И они пошли в тюрьму для должников. Больше он ее не видел. Он знал, что на остров приезжают торговцы и один раз в начале месяца – Комиссия по проверке условий содержания, но с ними ему нельзя было встречаться. Поэтому он уедет с торговцами...

Люся была готова расплакаться – Володя совсем не смотрел на нее. Механически жевал еду – воздушные пироги с сочной начинкой, спелую землянику отправлял вслед за рыбой. Люсе, глядя на него, было невкусно. Даже во рту появился горький привкус. Чтобы избавиться от него, Люся стала есть ягоды.

С наслаждением поедая первые ягоды, Люся не заметила, что Володя наблюдает за ней.

– У тебя рот испачкан ягодами, – сказал Володя.

Люся повернулась к нему лицом. Она уже не боялась его и дружелюбно глядела прямо в глаза, без заискиваний и страха.

– Где? Здесь? – и потеряла с другой стороны рта.

– Нет.

Люся широко и доверчиво улыбнулась и размашистым жестом ладони вытерла все лицо. Она была так похожа на Лилю, что Володя не удержался и поцеловал ее сначала бледную ладонь, испачканную земляникой, а потом бледные губы. Люся вздрогнула, но не отстранилась. И Володя поцеловал ее еще раз.

И так для Люси начался совершенно новый этап жизни – она словно плыла по наполненному солнцем миру, легко, радостно.

Для нее вернулась – после долгих лет – радость совместного бытия. Так было давно, в детстве. Так стало сейчас. Просыпаться вместе по утрам, завтракать, ловить рыбу, загорать, купаться. Она прекрасно помнила о своем коварном плане, но не хотела думать об этом.

Чувство вины усиливало старания Люси – она изо всех сил старалась угодить Володе. А поскольку он очень нравился девушке, стараться было легко.

Ни Володя, ни Люся не заговаривали о том, кто они, откуда, боясь вопросов, которые могли привести к необходимости говорить правду или врать.

Володя тоже чувствовал себя немного виноватым и поэтому старался наладить Люсин быт, чтобы ей было легче жить после его ухода.

Он с детства любил придумывать приспособления, чтобы облегчить мамин труд. Мама не любила заниматься домашним хозяйством, для нее всегда это было в тягость, у нее портилось настроение. И Володя старался придумывать приспособления, чтобы уборка и готовка не были так обременительны.

Володя не научился волшебству в колледже, это вообще мало кому удавалось, но он знал в себе талант изобретателя и развивал его при любой возможности.

На острове вопрос звучал по-другому – не о комфорте, а о выживании. Как только на острове появлялись посторонние, а это было раз в месяц, – остров опускался под воду и дом заливало водой. Она проходила через дверь и щели в стенах, половицы и нижние доски набухали от влаги, наливались ею и долго не высыхали. В домике всегда было влажно и холодно, со стен не сходила плесень, Люся от сырости и холода часто болела. Перед Володей возникла интересная инженерная задачка, и, думая над ее решением, Володя забыл и ужасное прошлое и неясное будущее. То есть жил настоящим. То есть был счастлив.

И Люся – она тоже забыла обо всем. Она не вдумывалась, для чего Володя так старается улучшить ее быт, ей казалось, что все его действия – это желание понравиться ей, Люсе, его ласковое отношение и жалость девушка принимала за любовь – за то, о чем мечтала в одиночестве, ради чего стремилась вырваться с этого острова. Люсе нравилось то, что он делал для нее, нравилось, как он это делал. Обычно хмурый и молчаливый, за работой он оживал – ругался, кричал, сердился на себя, или рассуждал, рассказывал, объяснял, советовался. Люся снова и снова поражалась – настолько менялось его лицо. Когда он завтракал или просто лежал, отдыхая, погрузившись в свои мысли, брови нахмурены, рот расплылся в непонятную гримасу – то ли недовольства, то ли отвращения. Глаза вроде бы смотрят перед собой, но ничего не видят. В такие минуты Люся боялась с ним заговорить, ей казалось, что она приготовила невкусную еду, что она плохо выглядит и не то говорит.

Но когда он был занят любимым делом, даже когда у него не получалось, его лицо преобразалось. В такие минуты Люся как будто видела свет, исходящий от его лица. И оторваться было невозможно. Хотелось любоваться бесконечно. И Люся не замечала, как сама улыбалась вслед за Володей. После этого дня, когда у него получилась система оттока воды от дома, Володя и вовсе перестал хмуриться.

Люся не поняла, как она устроена, да и проверять, как она работает, не было возможности – на острове не было гостей.

Маруся приезжала ненадолго – не хотела мешать молодым, к тому же у нее было много дел в огороде. А кто именно живет с Люсей – она не уточняла, потому что была уверена, что это Федя.

Володя показывал на чертежах, как это все будет выглядеть, и все было прекрасно в его рассказах.

«У тебя будет дом с фонтаном. Вот смотри – вода пойдет в эти отверстия, а выходить будет через эти трубочки, и красиво распыляться с помощью этого устройства. Это будет волшебно!»

Казалось, что он совсем забыл то, что его мучило, не бывал хмурым, шутил, рассказывал истории из детства – как хотел стать изобретателем и что придумывал, как помогал дедушке плотничать и чему научился у него.

Он всегда благодарил Люсю за обед, даже если еда была самой обычной – гречка и овощи, подружился с котом. Еще он пел для нее смешные песни. Для нее уже давно никто не пел. У него не было ни слуха, ни голоса. Но он любил эти песни, и он искренне хотел поделиться ими с девушкой. И она радовалась этому больше, чем простому юмору его песен, и счастливо смеялась.

В один из таких моментов Люся подумала, что вот так, с Володей, она готова прожить на острове хоть тридцать лет, а может и всю жизнь. Если бы Володя никуда не уходил, то и она готова была остаться. И тут же следом пришли в голову ужасные мысли – если ее коварный план воплотится в жизнь, она уйдет с острова, освободится, а Володя останется навсегда. Она принесет его в жертву своему счастью. И все будет так, как сказала Маргарита, – она будет счастлива за чужой счет.

Она не захотела принять добровольную помощь от ведьмака, человека, который раздражал ее своей никчемностью и нерешительностью, но зато приносит в жертву человека, который ничего не ожидая взамен, помогает, заботится, радуется ее по душевной доброте. И она обрекает его на долгие годы страданий и одиночества – на то, что испытывала сама. Представив это, Люся ужаснулась – своей внезапной подлости и эгоизму.

«Но я так устала! Так устала! Почему я не могу переложить всю тяжесть наказания на плечи более сильного человека», – спрашивала Люся себя и тут же отвечала: «Потому что ты взяла деньги осознанно, ты понимала, что, если ты их не вернешь, тебя ждет наказание».

«Я надеялась, что мы с папой выплатим долг. А он после смерти мамы совсем расклеился, стал заговариваться».

Люся снова и снова пыталась оправдать себя, но ничего не получалось. Это подло. Так нельзя. Лучше бы она приняла помощь от Феде. Представив его на острове, еще более жалкого, чем есть, Люся чуть не заплакала. Уж лучше она сама тут останется, чем будет жить с этой ношей. Разве она сможет стать счастливой, зная, что по ее вине кто-то страдает. Тем более Володя. Такой родной, такой добрый, подаривший ей счастье, которого она не видела долгие годы.

– Нет, – сказала Люся коту, который удобно устроился на ее коленях и успокаивающе мурлыкал. – Так нельзя. Я расскажу ему. Сегодня. Нет, завтра. Смелости наберусь и расскажу. Надо только успеть до прихода Комиссии. Чтобы он успел уйти, чтобы успеть его спасти.

Володя уже второй день избегал остаться наедине с Люсей. Он столько всего хотел ей сказать – и не знал, как это сделать. Как посмотреть в эти влюбленные глаза и произнести эти слова? Как сказать, что ему надо уезжать? Скоро приедут стражники из Комиссии, а ему ни в коем случае нельзя с ними встречаться. Потому что он сам – беглый стражник, и за его укрытие Люсе могут добавить еще много лет жизни на этот холодном и неуютном острове. И его ждут друзья, которые должны были – правда, вдвоем с Лилей – вывезти их из страны.

В далеких чужих краях они должны были обрести покой и счастье. Но все вышло не так – покой и, может быть, счастье обрела Лиля, а Володя остался, и вряд ли он будет счастлив...

Хотя в последние дни на острове он был счастлив – у него было дело, которое ему понравилось, и человек, которому он нравился. Володя чувствовал, что нравился Люсе, он грелся в лучах ее восхищенных влюбленных глаз. Это было почти как то, что он хотел, – счастье вдвоем в уединенном месте. То, о чем он мечтал, сбылось, но немного не так, как хотелось – от осознания этих мыслей было грустно, и эта же грусть придавала остроту счастью, как острые приправы раскрывают вкус блюд. Он не представлял, как теперь бросить ее одну на этом острове, но и как спасти ее – не знал. Володя никак не рассчитывал, что, ожидая своего выздоровления, прикипит сердцем к этому гиблому месту и несчастной пленнице. Когда он что-то делал, то неизменно вкладывал свою душу и оттого не мог быть равнодушным к тем, для кого он это делал... Поэтому он сейчас и страдал.

6. ТАКАЯ ГОРЬКАЯ И НЕОЖИДАННАЯ ПРАВДА

Маргарита ненавидела свое тело. Ее нельзя было назвать очень полной, но и стройной она не была. У нее было сильное молодое тело, в некоторых местах полноватое. И если бы она правильно подбирала одежду, ее можно было назвать привлекательной женщиной. Но беда была в том, что Маргарита хотела быть другой, совершенно другой, а ее внешность – на самом деле вполне привлекательная – не соответствовала ее собственным идеалам и потому была нелюбима. Но она баловала свое тело так, как мать чрезмерно балует свое нелюбимое дитя, откупаясь от него деньгами и подарками. Маргарита откупалась от своего тела сладостями и дорогими нарядами. Одежда и обувь были очень красивы, но существовали как бы сами по себе, они не подходили Маргарите, смотрелись на ней как чужие, и лишь подчеркивали недостатки, а сладости и вкусности увеличивали их количество. Она не умела управлять своим избалованным телом. И поэтому завидовала Люсе – ее сложившимся обстоятельствам, которые держали ее плоть в узде. Люся была стройная, да что уж там – почти прозрачная. И держалась всегда с таким достоинством. И одевалась – при ее-то возможностях – очень аккуратно и со вкусом.

Ей сочувствовали, ее любили. Весь этот ореол великомученицы раздражал колдунью. Она хотела быть такой же, но не испытывая при этом подобных мучений. Марго завидовала жизни Люси, но не хотела ее повторить. И такое двойственное чувство и неумение признаться в нем заставляло испытывать бессильную ярость и желание мучить и без того несчастную Люсю.

И вот сейчас Марго собиралась нагрянуть на остров раньше обычной даты, чтобы застать Люсю врасплох. Пленница не успеет подготовиться и все ее жалкое барахлишко намочит водой и будет долго сушиться на старой чахлой яблоне. Филадельфию Назаровну она уже предупредила, а Федьке скажет утром, а то еще возьмет и предупредит ее, влюбленный дурак.

И довольная своим коварным, злым планом, Колдунья выбирала одежду для завтрашнего дня. Надо взять высокие сапоги. Дождя не будет, можно сделать красивую прическу.

Утром Люся первая услышала визгливый скрип уключин, вскочила на кровати, машинально укрыла Володю, чтобы холод не разбудил его. И в голове судорожно завертелось: «Маруся не приедет так рано... И старичок тоже... Комиссия!» И уже безжалостно откинула одеяло:

– Володя, вставай, Комиссия прибыла!

Володя тоже испуганно вскочил:

– Как? Уже?

Только потом Люся поняла смысл этого ответа – он с самого начала все знал о ней и ее положении.

А в то утро ей было не до размышлений – скорее одеться, приготовиться, собраться, чтобы предстать перед своими мучителями в лучшем виде. Но как же теперь Володя – останется или нет? Она не успела ему объяснить, и он поймет, какая она ужасная, подлая.

А сейчас – невозможно сказать, невозможно объяснить в этой суете все отчаяние, которое толкнуло Люсю на этот поступок, не глядя в глаза, а бегая по комнате в поисках одежды, ценных вещей. Если уж в спокойной обстановке она не могла начать разговор, то сейчас – тем более. И он все узнает от Феди или – что хуже во сто раз – от ехидной Маргариты.

Володя тоже переживал, что члены комиссии его узнают, и Люсе тогда придется несладко – добавятся длинные одинокие годы на этом острове за укрытие преступника. И никому не интересно, что Люся ничего не знала – ни о бегстве Володи, ни о том, кто он вообще такой.

И все по его вине. И вместо того, чтобы облегчить ей жизнь, он только усложнил ее. И сейчас в этой спешке невозможно сказать ей об этом – лицо Люси испуганное, и весь вид подавленный и несчастный, можно сказать, затравленный, как же ей рассказать...

И они сами не заметили, как в этом чувстве вины и ответственности за судьбу близкого человека родилось то чувство, которое они искали, жаждали, боролись за него, как умели.

Сидя на носу лодки, Маргарита Николаевна торопила Федора, сердито выговаривала ему, чтобы он греб быстрее. Она всегда радовалась, когда ей удавалось застать Люсю врасплох.

А Федя всегда старался грести медленно, но так, чтобы не заметила Маргарита Николаевна. Он ее побаивался. Он вообще боялся таких женщин – грубых, напористых, от таких ему хотелось держаться подальше. А вот Люся нравилась ему – мягкая, доброжелательная, скромная. Но в последнее время – под давлением новых обстоятельств – Люся сильно изменилась. И Федя переживал за нее, хотел ей помочь, но ему не позволяли, даже помощи не принимали. А сегодня с утра у него было очень нехорошее предчувствие. И поэтому он медлил старательнее.

Но как не хитри, все равно не убежишь от неминуемого.

Они причалили к берегу, Федя вышел первый и привязал лодку к камню на берегу, потом помог Филадельфии Назаровне и Маргарите Николаевне сойти на берег.

Маргарита Николаевна чувствовала себя сегодня великолепно – в ослепительно белом брючном костюме, в высоких сапогах, украшенных полудрагоценными камнями, с новой, тщательно уложенной прической.

Осознание того, что с макушки до пяточек она украшена и ухожена, возвышало ее над другими так, что уже не хотелось хамить и грубить, а просто улыбаться, высоко подняв голову, так, чтобы все сами поняли, насколько они ничтожны.

Маргарита Николаевна постояла на берегу под ласковыми лучами солнца еще несколько минут, наблюдая снисходительно, как неуклюже Федя помогает Филадельфии Назаровне выйти из лодки. Когда старушка, не удержав равновесие, протянула ей руку для опоры, Маргарита Николаевна, быстро отвернувшись от нее, бодро зашагала к дому, предвкушая, как глупо будет выглядеть Люся, шлепая босыми ногами по дому, залитому водой. Но не успела она подойти к дому поближе, как с крыши забил фонтан – тонкие и толстые струйки воды весело плясали и играли, сияли на солнце, поднимаясь высоко в воздух, долетали до земли легкой водной пылью.

Федя и Филадельфия Назаровна изумленно глядели на это чудесное зрелище и не могли оторваться – так это было красиво. В водяной пыли появилась радуга, и Федя заворуженно подумал: «Радуга – к счастью».

Но Маргарита Николаевна не могла оценить все великолепие этого водного фейерверка – она чуть не лопалась от злости, думая о своей испорченной прическе и наряде.

– Что эта дрянная девчонка себе позволяет? Что она придумала, злодейка!

Со всей дури распахнув дверь, Маргарита Николаевна ворвалась в дом, разумеется, без стука.

В комнате она увидела бледную, взволнованную, но очень похорошевшую Люсю. Весь ее облик говорил о том, что она еще помнит счастливые дни, но уже возвращается к страху, тревожности и сердитости. Спина еще прямая и шея длинно вытянулась вверх – но плечи сутулятся. Руки сложены спокойно и округло на коленях, но тонкие пальчики (как Маргарита Николаевна ненавидела эти тонкие пальчики!) уже нервно щиплют, вытягивают ниточку из подола. И волосы, и кожа – все сияет, но под глазами свежие темные круги. Люся вся светилась изнутри и боялась показать это. Колдунья это сразу увидела, и ей стало нехорошо от зависти. Но еще хуже стало, когда она увидела, что послужило причиной этого преображения.

На кровати сидел Володя – тот самый, в которого она, Марго, была влюблена все годы их совместного обучения. Получается, не зря она с утра прихорашивалась. Маргарита Николаевна

довольно улыбнулась, но тут же в осколке зеркала увидела себя – смешную, облитую водой, с осевшей прической – как примятая осенняя трава – и заалела от злости. Как бы ей пригодился сейчас этот наряд и ее прическа, которые она с такой любовью готовила с утра. Как же ей хотелось разразиться яростными угрозами и злыми словами, облить ими эту Люську с ног до головы, также как она облила ее водой из этого дурацкого изобретения. Но нельзя было. При Володе она не могла выглядеть плохо еще и изнутри. Он к этому очень строг, не терпит грубости и насилия, поэтому сейчас и скрывается. Нет, при Володе она не могла обидеть слабую и беззащитную Люську, он бы принял ее сторону, он всегда защищал слабых. И ее, Марго, когда-то защищал, очень давно. В один ужасный момент все студенты в группе отвернулись от нее, а он общался, потому что добрый, и наверняка был к ней неравнодушен. Так ей хотелось думать.

Но она может сорвать маску с этой тихони, показать, что эта Люська только кажется такой добренькой. Хитрая и коварная злодейка – вот кто она на самом деле! И сейчас она, Марго, это докажет.

В дверь вошел мокрый Федя, как всегда радостно улыбнулся Люсе, восхищенно задержался на ее похорошевшем лице, но увидел Володю – и побледнел, улыбку смыло также быстро, как недавно чудесный фонтан смыл прическу Маргариты Николаевны.

Федя, как всякий неуверенный в себе человек, не выносил соревнований и любых других видов конкуренции. Он даже не мог представить Люсю с другим мужчиной.

Она всегда была одна – среди этих холодных камней, тонкая, прозрачная, беззащитная, угрюмо поглядывала исподлобья, как бы пытаясь защититься этим колючим взглядом, как розочка. Она очень редко улыбалась, но Федя знал, что это только при них. Она не любила их всех, даже безобидную Филадельфию Назаровну. Говорили – дедушка ему рассказал, что прежний состав Комиссии относился лучше к Люсе, те люди жалели ее и помогали. Но Маргарита невзлюбила Люсю, и всех заставляла мучить ее. Не заставляла, конечно, просто мучила сама. Федя презирал себя за то, что не мог противостоять грубости Марго, никак не защищал Люсю и терзался от заслуженной неприязни Люси. И очень хорошо понимал Люсю – почему она не улыбается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.